

УДК 821.111-31.09“19”

Архетип самости в романах Дорис Лессинг

Миколайчик М. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
margarita8383@mail.ru*

В статье рассматриваются ранее не освещавшиеся аспекты реализации архетипа самости в романном творчестве современной британской писательницы Д. Лессинг. На материале романов «Золотая тетрадь», «Лето перед закатом» и цикла «Дети насилия» показывается, что Д. Лессинг придерживается юнгианской концепции самости как целостности и как регулирующего центра психического. Раскрываются функции сновидений, выступающих в романах Д. Лессинг одним из универсальных средств психологизма.

Ключевые слова: архетип, самость, индивидуация, символ, четверичность, анализ сновидений, психологизм.

Архетип самости, который трактуется в юнгианстве как архетип целостности, воплощающей единство человеческой личности, полноту реализации ее потенциала [9], является одним из магистральных в романном творчестве лауреата Нобелевской премии британской писательницы Дорис Лессинг. Отдельные аспекты, связанные с актуализацией этого архетипа в творчестве Д. Лессинг, рассматривались канадским литературоведом Л. Седерстром на материале романа «Материалы выжившей» [11], а также новозеландской исследовательницей Л. Скотт на материале ранних и переходных романов писательницы, при этом акцент делался на движении героини к самости через поиск и отстаивание ею своего истинного «я» в процессе преодоления давящего влияния социума с его традиционными патриархальными устоями [19].

Между тем, немалый интерес представляет своеобразие художественной реализации писательницей архетипа самости как одной из составляющих ее концепции человека. Именно этому не рассматривавшемуся ранее аспекту творчества Д. Лессинг и посвящена настоящая статья. Исследование проводилось на материале романов «Золотая тетрадь» и «Лето перед закатом», а также пенталогии «Дети насилия».

Самость трактуется в юнгианстве как архетип целостности, воплощающей единство человеческой личности, полноту реализации ее потенциала [1], являющиеся результатом процесса индивидуации [6]. К. Г. Юнг называет самость целью жизни, так как она «представляет собой совершеннейшее выражение той комбинации судьбы, которую называют индивидуумом» [9]. Одновременно с этим самость является и «исходным пунктом, материнской землей, чреватой всей будущей жизнью, предощущение которой... ясно дано внутреннему чувству» [9], а также тем регулирующим центром, который управляет процессом психической жизни человека [1]. Свое направляющее процесс личностной индивидуации воздействие самость, по мысли К. Г. Юнга, оказывает через сновидения, в связи с чем много внимания уделяется в юнгианстве именно толкованию образов и сюжетов сновидений,

особенно повторяющихся [5]. Данную особенность глубинной психотерапии Д. Лессинг хорошо отразила в своем романе «Золотая тетрадь», героиня которого, посещая психоаналитика, фиксирует происходившие на сеансах беседы в своих дневниковых записях, из которых мы узнаем, что главное место в них было отведено именно ее сновидениям [2]. Без всякого преувеличения можно сказать, что без описания сновидений главной героини не обходится ни один роман Д. Лессинг. При этом в тех романах, главные героини которых автопортретны, психологически близки самой Д. Лессинг, а это прежде всего роман «Золотая тетрадь» и пенталогия «Дети насилия», наряду со сновидениями, отражены и другие проявления самости, в частности видения и интуитивные озарения.

Сложную и парадоксальную природу самости как целостности, являющейся одновременно и исходным пунктом, и конечной целью и тем регулирующим центром, который направляет человека на пути от исходного пункта до конечной цели, Д. Лессинг выразительно продемонстрировала в романах «Дети насилия», «Золотая тетрадь» и «Лето перед закатом», сюжеты которых строятся по архетипической схеме поиска, отражающей процесс личностной индивидуации главной героини.

Героини всех трех рассматриваемых произведений интуитивно стремятся к целостности, являющейся, согласно К. Г. Юнгу, одним из основополагающих аспектов самости. Так, воспитанную на бескрайних просторах африканского вельда юную Марту Квест время от времени посещает особое, близкое к религиозному экстазу чувство-озарение, заключающееся в ее слиянии с природой, когда все – и она сама, и животные, и деревья, и холмы, реки, и небо, и земля – становится «единым целым», «сотрясающимся от распада пляшущих атомов» [4]. В одном из своих многочисленных интервью Д. Лессинг отметила, что такие озарения являются, по ее мнению, весьма типичным явлением, встречающимся, по ее наблюдениям, у многих подростков [12]. Интересно, что именно это смутное, мало осознаваемое стремление к единению с другими влечет Марту, равно как и героиню другого романа Д. Лессинг Анну Вулф, в коммунистическую партию [2, 14]. Вот как пишет об этом в своем дневнике уже после выхода из партии Анна: «...когда я вступала в партию, где-то в глубине души я надеялась обрести целостность, покончить с той раздвоенностью, неудовлетворенностью, расколом, которыми отмечена наша жизнь» [2]. Однако попытка обрести внутреннюю целостность таким образом в обоих случаях оказывается неудачной: обе героини постепенно разочаровываются в коммунизме, при этом Анна осознает, что дело здесь не в очевидных недостатках партии как таковой, а в чем-то более «глубинном» и «сложном для понимания». «Я пыталась об этом думать, мое сознание раз за разом погружалось в пустоту, я запуталась и устала до изнеможения», – пишет Анна [2, с. 195]. Мотив поиска целостности становится одним из лейтмотивов «Золотой тетради», ведь «слепые попытки нащупать собственную целостность» Анна замечает не только у себя, но и у других людей: «Целостность человека нарушена, люди все больше и больше дробятся внутри самих себя, делятся на части, и каждая часть дробится дальше, что отражает мир, в котором они живут, и поэтому они отчаянно тянутся вовне, не осознавая этого, чтобы добыть информацию о других людях в своей собственной стране, не говоря уже о людях из других стран» [2, с. 89]. В поисках путей к внутренней цельности Анна приходит к выводу, что достичь ее можно лишь блокируя свое сознание от «некоторых вещей», «закрываясь от чего-то, ставя определенные пределы для себя» [2, с. 529], что находит отражение в ее решении вести четыре тетради вместо одной – из страха перед хаосом, бесформенностью, срывом. От внимания большинства исследователей творчества Д. Лессинг, в частности П. Шлутера, который пишет, что Марта Квест, в отличие от Анны Вулф, себя не «компартиментализирует» [17], ускользнуло, что в предпоследнем романе цикла Марта, подобно Анне, решает на какое-то время «делить себя на

части», т.е. выполнять роли жены, активистки коммунистической группы, сиделки отца и др., не пытаясь как-то увязать их друг с другом, ради сохранения целостности в период «засухи и раскола» [15]. В дальнейшем обе героини преодолевают этот этап внутреннего «фрагментирования» и достигают внутренней целостности, самости, символом которой для Анны Вулф становится золотая тетрадь, которую она заводит вместо четырех, чтобы «всей быть в одной тетради», а для Марты – прекрасный «город о четырех вратах» из ее детских грез, которым для нее оказывается Лондон, где она проходит завершающий этап процесса личностной индивидуации. Отметим, что и образ золотой тетради, и образ «города о четырех вратах» содержат характерный для самости, согласно К. Г. Юнгу, элемент четверичности. Особенно емким и содержательным является при этом образ золотой тетради, в котором объединены разные содержащиеся в четырех предыдущих тетрадях персоны Анны, а также женское и мужское начала, поскольку записи в ней, кроме самой Анны, делает ее друг писатель Савл Грин. Мотив обретения целостности звучит и в заключительной части романа «Лето перед закатом», где Кейт Браун признается своей новой подруге Морин, что с ней впервые в жизни она поговорила обо всем: «Абсолютно обо всем, что я чувствовала, я рассказывала тебе. А до встречи с тобой я взвешивала каждое слово, выдавая свои мысли и чувства маленькими дозами... мне кажется, что я всю себя по кусочкам раздавала детям и мужу. Кусочек Тиму, кусочек Майклу, частицу Эйлин... и так далее. Вернее, так я жила раньше. Это из области прошлого. Теперь с этим покончено. Но с тобой я могу говорить о чем угодно» [3].

Наряду с самостью как целостностью, освещает Д. Лессинг и такой аспект этого архетипа, как выполнение им роли регулирующего центра, который с помощью сновидений, видений, фантазий и интуитивных озарений направляет человека на жизненном пути. Марта Квест, например, сравнивает свои сновидения с «верным сторожевым псом» (“faithful watchdog”) или «записью» (“record”) происходящего, которые в образной форме отражают ее жизненное положение в тот или иной момент времени, а также с «термометром» или «мерилом», с помощью которого она проверяет саму себя [15]. Д. Лессинг подчеркивает, что Марта привыкла прислушиваться к своим снам как «сообщениям», исходящим от некоего сидящего внутри нее «наблюдателя» (“watcher”) или «хранителя» (“guardian”), которому можно «доверять» в «вопросах жизни и смерти» [15]. Так, еще на родительской ферме Марту преследуют повторяющиеся сновидения, в которых она то привязана за руки и ноги к паровозу, то никак не может выбраться из зыбучих песков, то взбирается вверх по уходящей вниз лестнице. Эти сновидения приходятся на тот период ее жизни, когда Марта никак не может принять решение покинуть ферму, чтобы начать самостоятельную жизнь в городе, и, таким образом, отражают эмоциональное состояние героини и одновременно подстегивают ее к переменам. В то же время Марта интуитивно чувствует, что она должна отделиться от родителей, «ибо они погубят ее жизнь», и грезит о прекрасном городе с четырьмя вратами. В конечном итоге подстегиваемая этими настойчивыми подсказками самости героиня уезжает в город [4]. Нечто подобное происходит с Мартой и в романе «Окруженный сушей», где она, полностью исчерпав себя в африканской колонии, видит повторяющийся сон, где она стоит на высоком иссушенном солнцем каменистом плато, тщетно пытаясь дотянуться до моря, соленые брызги которого служат ей спасением. Под влиянием этого сновидения и интуитивного ощущения себя «запертой», «заблокированной» в Африке, героиня принимает решение переехать в Англию, где ее ждет море и тот город о четырех вратах, о котором она грезилась подростком. Наряду с отражающей и направляющей функциями, это сновидение Марты, как выясняется впоследствии, выполняет еще и пророческую функцию, ведь в нем стоящая на утесе Марты видит плавающих в море Афина и Томаса – людей, которым было суждено вскоре погибнуть. В этот период

жизни, который Марта проводит в ожидании возможности выехать в Англию, ей также снится повторяющийся сон о большом доме с множеством комнат, который она, Марта, призвана сохранить от разрушения, а для этого, по сюжету сновидения, она должна держать каждую комнату по отдельности от других. Привыкшая доверять своим снам героиня осознает, что на данном жизненном этапе ее задача состоит в том, чтобы ходить по разным комнатам (т.е. выполнять отведенные ей роли жены, коммунистки, сиделки отца и др.), не пытаясь при этом связывать между собой тех людей, которые эти комнаты населяют (т.е. людей из разных сфер ее реальной жизни) и не позволяя себе идти на поводу у других людей или ситуаций [15]. В заключительном романе цикла, «Городе о четырех вратах», контакт героини с самостью, который так приветствуется в юнгианстве [5], достигает своего максимума. Именно здесь Марта, скрывшись от социума в доме Джека, начинает сознательно погружаться в особые медитативные состояния, во время которых ей открывается нетождественность ее истинного «я» ее социальным персонам, а также в какой-то момент – необходимость «отдать долги» обществу, снова беря на себя социальную ответственность. В этот момент озарения перед героиней всплывают образы оставшихся в Африке дочери, двух мужей и матери, однако все это толкает ее не обратно в Африку, а на поиски работы в Лондоне. При этом Д. Лессинг показывает, что искать работу Марта начинает не только потому, что ей нужны деньги и не только потому, что она чувствует себя обязанной брать на себя социальную ответственность, но и потому, что «что-то» (речь, очевидно, идет о самости) «больше не могло позволить ей» тратить время на бесконечные прогулки и бесцельные разговоры, во время которых она произвольно меняет персоны с такой частотой, что ощущает себя «пустым местом без границ», которому уже не важно, каким именем себя называть [16]. Показательно, что поиски работы приводят Марту в дом Колдриджей, где она, неожиданно для самой себя, но в полном соответствии с содержанием тех интуитивных вспышек, во время которых ей представлялись полузабытые образы дочери, мужей и матери, снова вынуждена брать на себя роль матери, жены и дочери [16]. В дальнейшем самость толкает Марту на психологический эксперимент, во время которого она несколько недель запирается у себя в комнате и, войдя в измененное состояние сознания, встречается с бессознательным «аспектом» самой себя, персонифицированным в образе «ненавидящего самое себя» (в оригинале “self-hater”), приобретает сверхспособности и делает пророческие открытия относительно будущего человечества, в точности которых мы убеждаемся в Приложениях, служащих своеобразным эпилогом цикла «Дети насилия» [16].

Сновидениями, видениями, фантазиями и интуитивными озарениями сопровождается процесс личностной индивидуации героини и в романе «Золотая тетрадь». Помимо повторяющихся «кошмаров о принципе зла», сначала сообщающих Анне о подавляемой ею внутренней деструктивной силе и указывающих на необходимость интеграции деструктивного анимуса, а впоследствии, в заключительной части романа, отражающих достигнутую ею в результате успешной интеграции анимуса самость, воплощенную в образе двух танцующих, целующихся и вместе празднующих разрушение обоеполых карликов, Анне Вулф снится множество других снов, которые, как и сны Марты Квест, отражают те или иные вехи процесса ее личностной индивидуации или так или иначе направляют этот процесс. Так, доставляющие ей истинное наслаждение многочисленные сны об искусстве указывают героине на необходимость реализации ее творческого потенциала, что признает в беседе с психоаналитиком и сама упорно отказывающаяся от писательского творчества Анна [2, с. 275]. Сновидение с участием психоаналитика Анны миссис Маркс в образе могущественной дружелюбной ведьмы, которое она видит незадолго до окончания курса психотерапии, указывает на то, что теперь она сама стала

той доброй колдуньей, которая в состоянии помочь самой себе [2, с. 291]. Сон о желтой пустыне, которую ей, Анне, нужно пересечь, чтобы добраться до гор, как, проснувшись, понимает она сама, «подводил итог тем переменам, которые случились в Анне, отражал ее новое знание себя». В то же время этот сон подсказывает героине, что чтобы пересечь пустыню, ей следует сбросить с себя какой-то лишний груз – пробудившись, Анна сразу же осознает, что речь идет о ее дерзких квартирантах, которых она, благодаря сновидению, наконец, решает выдворить из своего дома [2, с. 464]. Наконец, на пике безумия ей снится ряд необычных сновидений, в которых, как она описывает в своей золотой тетради, «был кто-то еще, личность, отдельная от спящей Анны», «некто, озабоченный тем, чтобы не допустить полного распада Анны», некий «бесстрастный человек», «спасающий» ее от «полного распада». Этот «бесстрастный человек», в образе которого угадывается самость (по наблюдениям юнгианских психоаналитиков, самость нередко является в сновидениях в облике «космического человека» [5]) подсказывает Анне, что она «тонет» в своих субъективных потребностях и призывает ее бороться с охватившим ее безумием, а далее демонстрирует ряд эпизодов из ее прошлой жизни, которые, как она сразу же догадывается, призваны напомнить ей, что ей еще нужно будет вернуться в прошлое и «поработать». В дальнейшем на смену голосу «бесстрастного человека», очень напоминающего «наблюдателя», или «хранителя» Марты из цикла «Дети насилия», приходит киномеханик, в котором она впоследствии угадывает Савла и который, таким образом, является в этом сновидении олицетворением ее анимуса, дающего ей понять, что раньше она неправильно расставляла акценты, замечая в людях лишь прекрасное и героическое и не замечая «маленькой мучительной разновидности мужества», позволяющей людям терпеть лежащую в основе всякой жизни боль и несправедливость [2, с. 681, 682, 702]. Примечательно, что перед этим сновидением Анна переживает «озарение» – одно из тех, какие в течение нескольких недель «бездурья и безумия» у нее, как и у Марты Квест, случались нередко – она заранее узнает, зачем ей нужно погрузиться в сон, что скажет ей во сне киномеханик и что ей предстоит постичь [2, с. 700-701]. Интересно, что в период душевного распада у испытывающей потребность в интеграции бессознательных содержаний личности, согласно К. Г. Юнгу, появляются рисунки и сновидения с символикой четверичности: круга, квадрата, мандалы [8] – именно круги чертит на столе безумная подруга Марты Линда Колдридж, образы круга и квадрата приходят на ум и пережившей ряд озарений Анне, которая описывает пережитое так: «... невозможно описать подлинный опыт. Я думаю, и не без горечи, что ряд звездочек, который мы, бывает, видим в старомодных романах, возможно, подошел бы больше. Или – какой-то символ, может быть круг или квадрат. Все что угодно, но только не слова. Люди, которые там были, в том месте внутри самих себя, где все слова и формы, порядок растворяются, меня поймут, все остальные – нет» [2].

Следует отметить, что наряду с уже описанными отражающей и направляющей функциями, некоторые сновидения, видения, фантазии и озарения Анны выполняют, как и в случае Марты, пророческую функцию. Например, именно из своих снов, где Майкл уходит от нее, героиня узнает, что скоро он ее покинет [2, с. 293]. Этот мотив она усиливает в своем романе «Тень третьей», героиня которого, наяву склонная ограждать себя от неприятных истин с помощью защитных механизмов, которые дают ей временное спасение, по сути лишь оттягивая неизбежную развязку и таким образом тормозя дальнейшее развитие ее личности, только благодаря собственным снам и видениям в конце концов понимает, что Пол ее не любит и никогда к ней не вернется [2, с. 263]. Интересно, что одним из таких снов оказывается сон о доме Пола, рассыпающемся на части из-за того, что безвкусно обставленные его женой комнаты «конфликтуют между собой» – этот образ рассыпающегося дома из сновидения Эллы

перекликается с образом родительского дома, который пытается в своем сновидении спасти от разрушения Марта в «Детях насилия» [15]. Среди пророческих снов Анны можно отметить также заставивший ее плакать от счастья сон о прекрасном цветном ковре, в котором она узнает образ мира как единого целого, впоследствии распадающегося на фрагменты, потому что «за нитку в ткани кто-то потянул, и все распалось» [2, с. 345], а также сны о взрыве водородной бомбы [2, с. 683] и о войне [2, с. 696]. В то же время посещает Анну и более оптимистичное видение целостного мира, которое она описывает так: «...я явственно увидела такой мир, где нации, системы, экономические блоки твердеют, застывают, укрепляются, объединяются; мир, где будет все более и более нелепо даже говорить о независимости или об индивидуальном сознании. Я знаю, что такого рода видения уже давно описаны, мы это уже читали, но на какое-то мгновение все это перестало быть словами, мыслями, а стало чем-то, что каждой клеткой моего тела и каждым своим нервом я подтверждаю, я знала, что так оно и будет наверняка» [2, с. 631]. Наряду с этими пророческими снами и видениями глобального содержания, Анну и героиню ее романа Эллу посещают и пророческие видения более личного характера. Так, мысленному взору размышляющей об отце Эллы однажды предстает образ молодого офицера – ее отца, в столе которого после его смерти находят дневники, стихи и фрагменты прозы – удивленная этой посетившей ее мыслью-видением Эллы, которая никогда не думала об отце как о человеке, который мог бы что-либо писать, из последующей беседы с ним узнает, что он действительно втайне от всех сочиняет стихи [2, с. 524].

Отражающей и направляющей функциями ограничиваются сновидения не достигшей уровня видений и озарений героини «Лета перед закатом». На протяжении всей «одиссеи» ее сопровождают сновидения о выброшенном на берег страдающем без воды тюлене, ее внимание на которого во сне обращает, как и в снах Анны Вулф, чей-то голос из пустоты, олицетворяющий, очевидно, архетип самости. Как и другие героини Д. Лессинг, Кейт Браун всю жизнь была «в хороших отношениях со снами» и всегда была готова «найти в них что-то поучительное» [3], поэтому, видя сон о тюлене во второй раз, она понимает, что сон этот имеет глубокий смысл и что для нее очень важно оттащить тюленя обратно в море и тем самым спасти его от неминуемой гибели. Путь к воде оказывается длительным и трудоемким – на этом пути героиню с тюленем преследуют холод, ветер, снегопад и даже хищники. Только после возвращения в Лондон и общения с Морин, которая становится для героини почти дочерью, в сне Кейт о тюлене появляется сначала образ цветущей вишни, а потом и дыхание теплого соленого бриза. В конце концов, Кейт выпускает тюленя в море, где он присоединяется к своим кувыркающимся и играющим в воде сородичам, после чего Кейт с Морин делают однозначный вывод, что «путь» Кейт «подошел к концу», и теперь у нее «все в порядке» [3]. По мнению литературоведа Л. Скотт, это повторяющееся сновидение Кейт Браун, которое ни сама героиня, ни автор никак не интерпретируют, воплощает усиливающуюся сосредоточенность героини на ощущении своей «интегрированной самости», так что в конце романа Кейт возвращается в лоно семьи уже иной, твердо знающей, кто она на самом деле, и таким образом не рискующей снова попасть в ловушку [19] привычной социальной роли – не случайно Морин советует Кейт не возвращаться домой, пока этот сон не завершится [18, с. 236]. Снится Кейт еще один важный, но, к сожалению, выброшенный из сделанного еще в советские времена русского перевода «Лета перед закатом» [3] сон, в котором она видит себя танцующей с королем, который впоследствии покидает ее, чтобы танцевать с другими девушками – возмущенная изменой Кейт во сне кричит, требуя его внимания к себе, но встречает с его стороны лишь гнев, вызванный тем, что она не понимает «законов жизни», согласно которым король должен был протанцевать по очереди со всеми девушками на площадке [18, с. 160-

161]. Очевидно, что в образе короле перед Кейт предстал ее муж, которого она всю жизнь ревновала из-за его непрекращающихся романов с молоденькими девушками – сновидение, таким образом, призывает героиню смириться с полигамной природой мужчин, которая предстает в нем как «закон жизни».

Успешно пройдя направляемый самостью путь личностной индивидуации, Марта, Анна и Кейт достигают самости как целостности, которая у Анны воплощается в образе золотой тетради, у Марты – в образе города с четырьмя воротами, а у Кейт – в ее седых волосах, которые она, возвращаясь в лоно семьи, решает оставить нетронутыми, чтобы они служили ей напоминанием о произошедшей с ней за лето духовной перемене и обретенной мудрости.

Таким образом, одним из важнейших аспектов реализации архетипа самости в романном творчестве Д. Лессинг, как мы показали на примере пенталогии «Дети насилия» и романов «Золотая тетрадь» и «Лето перед закатом», является совпадающее с юнгианским видением писательницей самости как целостности, являющейся одновременно и исходным пунктом, и конечной целью, и регулирующим центром, распространяющим свое влияние на человека прежде всего через сновидения, видения, фантазии и интуитивные озарения, которые воспроизводятся в романах Д. Лессинг как выполняющие отражающую, направляющую и пророческую функции.

Список литературы

1. Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии / Валерий Всеволодович Зеленский. – СПб. : Б&К, 2000. – 324 с.
2. Лессинг Д. Золотая тетрадь : роман / Дорис Лессинг ; [Пер. с англ. Е. Мельниковой]. – СПб. : Амфора, 2009. – 734 с.
3. Лессинг Д. Лето перед закатом : роман / Дорис Лессинг ; [Пер. с англ. И. Якушиной]. – М. : Эксмо, 2008. – 256 с.
4. Лессинг Д. Марта Квест : роман / Дорис Лессинг ; [Пер. с англ. Т. А. Кудрявцевой]. – М. : Эксмо, 2008. – 432 с.
5. Франц М.-Л. Процесс индивидуации / Мария-Луиза фон Франц // Юнг К. Г. Человек и его символы. – М. : Москва : Университетская книга, 1997. – 368 с.
6. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / Карл Густав Юнг. – Киев: PostRoyal, 1996. – 384 с.
7. Юнг К. Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице / Карл Густав Юнг // Юнг К. Г. Ответ Иову. – М. : Канон, 1995. – С. 5-107.
8. Юнг К. Г. Психология и алхимия / Карл Густав Юнг. – М. : Рефл-бук, 2003. – 592 с.
9. Юнг К. Г. Психология бессознательного / Карл Густав Юнг. – М. : Канон, 1994. – 319 с.
10. Юнг Э., Уилрайт Дж., Нойманн Э. Анима и Анимус: [сборник] [Электронный ресурс] / Эмма Юнг, Джэн Уилрайт, Эрих Норманн. – М. : МААП, 2008. – Режим доступа к сборнику : <http://jungland.net/node/2947>.
11. Cederstrom L. Jungian Archetypes in 20th Century Women's Fiction : The Persona, the Shadow, the Animus and the Self / Lorelei Cederstrom. – New York : Edwin Mellen Press, 2002. – 304 p.
12. Doris Lessing Conversations ; ed. by E. G. Ingersoll. – Windsor : Ontario Review Press, 1994. – 237 p.
13. Lessing D. A Proper Marriage : A Novel [Электронный ресурс] / Doris Lessing. – (Children of Violence). – New York : Harper Collins ebooks. – 448 p.

12. Lessing D. A Ripple from the Storm : A Novel [Электронный ресурс] / Doris Lessing. – (Children of Violence). – New York : Harper Collins ebooks. – 2010. – 336 p.
  13. Lessing D. Landlocked : A Novel [Электронный ресурс] / Doris Lessing. – (Children of Violence). – New York : Harper Collins ebooks. – 2010. – 352 p.
  14. Lessing D. The Four-Gated City : A Novel [Электронный ресурс] / Doris Lessing. – (Children of Violence). – New York : Harper Collins ebooks. – 2010. – 672 p.
  15. Schlueter P. The Golden Notebook / Paul Schlueter // Doris Lessing ; ed. by H. Bloom. – (Bloom's Modern Critical Views). – Broomall : Chelsea House Publishers. – P. 27-60.
  16. Lessing D. The Summer Before the Dark / Doris Lessing. – New York : Alfred A. Knopf, 1973. – 277 p.
- Scott L. Lessing's Early and Transitional Novels: The Beginnings of a Sense of Selfhood [Электронный ресурс] / Linda Scott // Deep South. – 1998. – Vol. 4, No. 1. – Режим доступа к статье : <http://www.otago.ac.nz/deepsouth/0498/0498lynda.htm>.

Mikolaychik M. The Archetype of the Self in Doris Lessing's Novels // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.177-184

The article highlights previously undiscussed aspects of the Jungian self archetype as it is manifested in Doris Lessing's The Golden Notebook, The Summer Before the Dark and the Children of Violence series. The author starts by outlining the Jungian concept of the archetype of the self, summarizing the findings of previous research into the issue and explaining the expedience of her research whose results are provided further in the article. The author shows how the novelist represents the complicated and paradoxical nature of the self archetype as the wholeness, the starting point, the ultimate goal and the regulating centre of the psyche, fully in accordance with the Jungian concept of the self. A particular emphasis is made on two facets of the self archetype as the wholeness and the regulating centre, which acts through a person's dreams, visions, fantasies and intuitive insights. Three functions of Lessing's heroines' dreams and visions are revealed, namely reflecting their current mental state, guiding them through their individuation process and/or predicting the future. A number of dreams described in The Golden Notebook, The Summer Before the Dark and the Children of Violence series are interpreted in the article using the Jungian archetypal approach. Some pivotal images are also highlighted which symbolize the three heroines achieving their wholeness and selfhood as a result of the personal individuation process.

Keywords: *archetype, self, individuation, symbol, quaternary, dream analysis, psychologism.*

Поступила в редакцию 01.10.2014 г.